

Часть I
ПРОБЛЕМА ИСТОРИЧЕСКОГО СТАНОВЛЕНИЯ
ФЕНОМЕНА ГРАЖДАНИНА:
ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ
ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

**Глава 1. Институциональный подход
к исследованию проблемы**

Проблема исторического становления феномена гражданина не была до сих пор предметом отдельного исследования в отечественной науке. Публикаций, непосредственно посвященных тому или иному аспекту данного феномена, немного¹. Понятие гражданина присутствует во многих работах по проблемам гражданского общества и правового государства, составляя некое «общее место» научной литературы, однако означенная проблема либо вообще не ставится, либо предстает в качестве побочного продукта исследования других проблем².

¹ *Апресян Р.Г., Гусейнов А.А.* Демократия и гражданство // Вопросы философии, 1996. № 7; *Бойцова Л.* Гражданин против государства? // Общественные науки и современность, 1994. № 4; *Галкин А.А.* Индивид и гражданское общество: российская специфика // Власть, 1999. № 8; *Мамут Л.* Какой гражданин нужен России? // Власть, 1998. № 4; *Щербинин А.И.* Политология в поисках гражданина // Полис, 1992. № 5-6; *Щербинин А.И.* Государь и гражданин // Полис, 1997. № 2 и др.

² Так, например, гражданское общество определяется как «совокупность свободных ассоциаций граждан и связей между ними ...» (*Сунгуров А.Ю.* Становление гражданского общества в Санкт-Петербурге и России // ОНС, 1997. № 3. С. 57). В статье главным образом рассматривается историческое становление негосударственных общественных объединений (НГО) на Западе и в России, являющихся условием развития личности гражданина. Задача анализа обратного воздействия – гражданина на формирование институтов гражданского общества – не ставится. Другой пример: оценка роли массового гражданина в функционировании системы представительной демократии современных западных обществ как несущественной у А. Салмина приводит автора к преимущественному анализу роли институтов (в том числе государства как «ассоциации ... групп, а не

Часть I. Проблема исторического становления

Отсутствие обобщающих работ по данной проблеме прямо свидетельствует о несущественном значении, которое отводится гражданину в большинстве концепций гражданского общества. Состояние исследования проблемы неадекватно ее действительной теоретической и практической значимости – необходимости осмысления реального социокультурного статуса и качества индивида посткоммунистических обществ, включая российское, анализа условий и возможностей действительного становления гражданина. Последнее приобретает особую актуальность в связи с двойственностью всей совокупности условий бытия россиян, порождаемую разрывом между конституционным статусом гражданина и фактической реализацией его прав и свобод. Кажущаяся теоретическая ясность, самоочевидность понятия гражданина и способов решения проблемы становления данного феномена на самом деле препятствует их действительному пониманию. Отсюда необходимость проблематизации предмета анализа и рефлексии наличных методологических средств его исследования.

Исследование проблемы становления гражданина и гражданского общества нуждается в выделении и упорядочении ряда возможных аспектов рассмотрения. Структура предмета анализа представляет собой определенное соотношение трех измерений, задаваемых бинарными оппозициями: 1) *социального* и *культурного*, 2) *устойчивого* и *изменчивого*, 3) *универсального* и *локального*. С социальным в феномене гражданина мы связываем преимущественно объективные, структурно-институциональные, статичные характеристики явления, а с культурным – субъективные, ментальные, динамичные. Под устойчивым в данном феномене мы подразумеваем синхронические, инвариантные его черты, а под изменчивым – диахронические, вариативные. Наконец, универсальное в феномене гражданина, по нашему мнению, это общие характеристики, присущие ему независимо от его конкретных – пространственных и культурно-исторических параметров, а локальное – это,

индивидов»), процедур и политической культуры в становлении демократии (Салмин А. Современная демократия: очерки становления. М., 1997. С. 161). Автор переносит признаки данного статичного состояния дел на процесс становления демократии в незападных обществах, что приводит к недооценке роли гражданина в становлении гражданского общества. В этих и других работах гражданин предстает ничтожно малой величиной, учет которой в исследованиях считается почти необязательным.

наоборот, уникальные пространственные, временные и культурно-содержательные его особенности. В качестве центральной выступает оппозиция *устойчивое – динамичное*, именно ее разворачивание в западноевропейской и российской культуре и истории наиболее непосредственно связано с проблемой становления феномена гражданина.

Первая оппозиция в большинстве концепций гражданского общества, лежащих в русле преобладающих в литературе теорий модернизации, трансформации и транзита («традиционного» общества в «современное» – «гражданское», «цивилизованное»), решается либо путем редукции духовного (культуры) к социальному, либо социального к духовному. Оппозиция универсального и локального также решается в русле монизма: путем признания приоритета либо за универсальным, что соответствует философской традиции в диапазоне от Г. Гегеля до Ф. Фукуямы, либо за локальным, что воспроизводит логику Н.Я. Данилевского, О. Шпенглера, П. Сорокина, А. Тойнби. Оппозиция устойчивого и динамичного традиционно осмысливается с помощью принципа развития. Этот вариант разрешения всех трех оппозиций отсылает нас к одной из главных установок классической парадигмы в общественных науках – эволюционизму. Несмотря на то, что эволюционизм уже был подвергнут достаточно основательной и детальной критике, направленной на такие его характеристики, как детерминизм, телеологизм, фатализм и финализм¹, а также универсальность, эссенциализм, монизм², большинство работ, посвященных генезису гражданского общества, разделяет и основные установки эволюционизма и те «белые пятна», которые выявляются при его столкновении с социальной реальностью.

Главное методологическое требование эволюционизма состоит в том, чтобы найти исходную клетку какого-либо социального явления и путем ее исторического разворачивания дать системное изображение современного состояния этого явления. Помимо явного или неявного признания предопределенности зрелого состояния в «зародыше», эволюционизм отказывается рассматривае-

¹ *Поппер К.* Нищета историцизма. М., 1993. С. 87; *Штомпка П.* Социология социальных изменений. М., 1996. С. 139.

² *Скоробогачкий В.В.* Социокультурный анализ власти. Екатеринбург, 2002. С. 21-24.

Часть I. Проблема исторического становления

тому социальному явлению в возможности обладания какой-либо спецификой становления. Безграничная вера его сторонников в «универсальные закономерности» эволюции не допускает самой мысли о возможности уникальности и конкретности как эволюции, так и ее результатов. Это оборачивается недооценкой специфики становления гражданина и гражданского общества в каждом конкретном регионе, абстрактностью рассмотрения как европейской, так и российской политической истории. Шпенглеровский взгляд на историю стал естественной реакцией на господство эволюционизма и классической парадигмы в гуманитарных науках. Но справедливый протест О. Шпенглера против абсолютизации «универсальных законов истории» и абстрактного исследования социальных форм обернулся преувеличением уникального и конкретного. Шпенглер показал, что в генетическом процессе становления социальных явлений есть перерывы постепенности, но одновременно он абсолютизировал их, доведя до состояния разрыва, закрытости и несвязанности друг с другом отдельных культур-цивилизаций.

Большинство существующих в настоящее время подходов к проблеме характеризуется попыткой снять все три оппозиции с помощью того или иного варианта проведения принципа монизма. Во множестве работ выделяется доминанта социального, устойчивого и универсального, к ней редуцируется все духовное, изменчивое и локальное. Сведение духовного, субъективного к социальному, культуры – к функции социума, а личности – к совокупности ее социальных функций отличает системный, структурно-функциональный и институциональный подходы в рамках классической парадигмы и методологии. Эта позитивистская логика¹ присутствует и в постмарксистской общественной науке, включая российскую, подводя исследователей к рассмотрению общества в качестве системы автономных сфер жизнедеятельности людей, одной из которых является гражданское общество как особая неполитическая сфера, противостоящая государству². Логическим завершени-

¹ Парсонс Т. Заключение. Общий обзор // Американская социология: Перспективы, проблемы, методы. М., 1994. С. 365.

² Аг А. Гражданское общество // Политология вчера и сегодня. Вып. 3. М., 1991; Боднар А. Гражданское общество: проблема интерпретации // Там же; Арато А. Коцепция гражданского общества // Полис, 1995. № 3;

Глава I. Институциональный подход к исследованию проблемы

ем данной методологии становится отождествление сферы гражданского общества и совокупности негосударственных общественных объединений, противостоящих сфере политики¹. Последнее позволяет отнести эту группу авторов к институционализму. Теоретические истоки такого подхода восходят к классикам политической мысли².

Внутреннее тяготение к установкам эволюционизма и детерминизма показывают как исходные теории модернизации³, так и последующие, в том числе, концепции трансформации⁴. Характерной чертой российских версий теорий модернизации, транзита и трансформации является институционализм: за скобки исследования в них выносятся «изменения смыслов, дотеоретическое знание, которое поддерживает институты»⁵. В результате в качестве при-

Коэн Дж. Л., Арато Э. Гражданское общество и политическая теория. М., 2003; и др.

¹ *Голенкова З.Т., Витюк В.В., Гридчин Ю.В.* и др. Становление гражданского общества и социальная стратификация // Социс, 1995. № 6. С. 15; *Гаджиев К.С.* Введение в политическую науку. М., 1997. С. 58; *Гражданское общество. Мировой опыт и проблемы в России.* М., 1998; *Дарендорф Р.* Мораль, институты и гражданское общество // Путь. Международный философский журнал, 1993. № 3; *Левин И.Б.* Гражданское общество на Западе и в России // Полис, 1996. № 5; *Модель И.М., Модель Б.С.* Власть и гражданское сообщество России: от социального взаимодействия к социальному партнерству. Екатеринбург, 1998; *Патнэм Р.* Чтобы демократия сработала. Гражданские традиции в современной Италии. М., 1996. С. 112; *Перегудов С.П.* Гражданское общество в политическом измерении // МЭиМО, 1995. № 12; *Соловьев А.И.* Три облика государства – три стратегии гражданского общества // Полис, 1996. № 6; *Хлюпин А.* Становление гражданского общества в России? Институциональная перспектива // Pro et contra, 1998. № 2. С. 4; *Шмиттер Ф.* Размышления о гражданском обществе и консолидация демократии // Полис, 1996. № 5; и др.

² *Токвиль А.* Демократия в Америке. М., 1994.

³ *Парсонс Т.* Система современных обществ. М., 1997; *O'Donnell, Schmitter.* Tentative Conclusions about Uncertain Democracies. Transitions. 1986. V. 4; *Eisenstadt S.N.* Tradition, Change and Modernity. N.Y. 1973.

⁴ *Дискин И.* Российская модель социальной трансформации // Pro et Contra, 1999. Т. 4. № 3; *Заславская Т.И.* Современное российское общество. Социальный механизм трансформации. М., 2004; и др.

⁵ *Капустин Б.Г.* Современность как предмет политической теории. М., 1998. С. 79.

Часть I. Проблема исторического становления

знаков современности изучаются ее «механические основания» – система представительной демократии, социальная структура западного общества и т.д. Культурные (ментальные, субъективные) основания современности если и рассматриваются, то также по преимуществу в институциональном ключе¹. Исследования политической культуры того или иного региона превращаются в тест на соответствие ценностных предпочтений населения жестко фиксированным либеральным (или коммунистическим и т.п.) идеалам. Вопрос изучения специфики культуры региона, эффекта совокупного стихийного сложения массы субъективных предпочтений и пониманий смысла свободы, демократии и т.д. подменяется вопросом о функционировании институтов, наличии процедур и практик, считающихся демократическими и свободными.

Институциональный подход является результатом развития классической парадигмы. Он не только наследует такие ее черты, как финализм, монизм, детерминизм и т.д., но и продолжает разделять ее установки и следствия применения: утверждение внешней позиции наблюдателя; монологизм («проектность метафизического мышления», подразумевающая знание субъектом объективной истины); абстрагирование от культуры в понимании социальных явлений; анонимный, бессубъектный анализ политических процессов; неспособность «концептуализировать качественные изменения и возникновение качественно новых состояний»; ориентацию на материальные и целерациональные интересы людей (в особенности на частный интерес) как единственные основания политических действий, исключая другие (коллективные, публичные) интересы и основания и являющиеся «стандартами формальной рациональности», лежащими в основе политической системы, демократии, современности в целом².

В то же время институционализм пытается преодолеть недостатки эволюционизма, уйти от линейного и последовательного выведения каждого социального явления, но при этом попадает в другую ловушку. Эволюционизм исключает все уникальное и отклоняющееся. Стремясь решить проблему наличия уникального в историческом процессе, институционализм на самом деле обходит ее: отказываясь от генетической логики, он исследует реальность с

¹ Almond G., Verba S. *The Civil Culture*. N.Y. 1963.

² Капустин Б.Г. Указ. соч. С. 92, 182, 248.

точки зрения ее соответствия ставшему институциональной структуре развитого общества, составляющей комплекс признаков современности. Однако при наличии внешних признаков «современности» оказывается невозможным объяснение иного качества общества, выявление источника социальных изменений, нового, становящегося, динамики. Институциональный анализ оказывается лишенным эвристического потенциала. На уровне исследований всей совокупности социальных институтов социальная реальность институционализмом отчасти схватывается, но лишь в плане описания ее статичного состояния. Однако в результате картина действительности оказывается неполной. Поэтому, на наш взгляд, в качестве методологии институциональный подход проигрывает.

Именно принципы структурно-функционального анализа послужили стимулятором роста большинства институциональных теорий, став генеалогическим звеном, связывающим их с классической наукой. В его рамках классический эволюционизм нашел одновременно и продолжение, и завершение. Эволюционизм Т. Парсонса задан утверждением: «Традиция эволюционирует в современность»¹. Идея универсального перехода от Традиции к Современности стала основой транзитологии – одного из воплощений институционализма. Провозглашение Т. Парсонсом преемственности по отношению к «идеальным типам» М. Вебера обернулось их интерпретацией в качестве «эволюционных универсалий», в число которых попали «Традиция» и «Современность». Произошло отождествление «идеальных типов» и «эволюционных универсалий», веберовское же различие «идеальных типов» (как инструментов познания) и типов общества оказалось забыто. В результате подмены реальности ее моделью критикуемый Вебером эволюционизм в структурно-функциональном анализе и затем в теориях модернизации предстал в виде универсального «перехода» от одного типа общества к другому.

Преодолевая трудности, связанные с эволюционизмом, с помощью «эволюционных универсалий» и используя кластерный анализ общества, Т. Парсонс фактически отказывается от эволюционизма. Эволюционизм, представший в теории К. Маркса как историзм, был попыткой объяснить движение истории, смену «ис-

¹ Цит. по: *Капустин Б.Г.* Указ. соч. С. 118.

Часть I. Проблема исторического становления

торических эпох» борьбой противоположностей, напряжением, возникающим внутри систем и структур. Институциональный подход вообще устраняет генетическую логику из исследования социальной реальности. В этом случае исчезает и генетическая связь между подсистемами общества. Использование институционального подхода приводит к возрастанию степени исследовательского произвола, поскольку свойствами целостной системы можно наделять любые социальные образования.

Если при рассмотрении какого-либо социального явления исчезают генетические аргументы и невозможно ответить на вопросы о том, каковы истоки и факторы, приведшие к его наличному состоянию, то остается один аргумент: определенность этого явления, наличие в нем какого-либо признака, сходного с признаками элемента другой подсистемы общества, есть результат структурного «сожительства» в одном социальном пространстве и времени, обмена признаками между подсистемами. За этой структурной связью между социальными образованиями не нужно искать ничего, кроме связей «соседства». Таким образом, институционализм для нас – подход, являющийся и развитием классической парадигмы, и ее самоотрицанием. В результате синхронное рассмотрение явлений социальной реальности в институционализме доминирует над диахроническим, статика – над динамикой, ставшее – над становящимся. Преодоление недостатков эволюционизма для представителей институционального подхода не приводит к рождению новой парадигмы исследования, способной приблизиться к созданию более или менее адекватной картины социальной реальности, но означает распад старой, классической, поскольку изображает эту реальность безжизненной и остывшей.

В своих установках на внеконтекстуальность, абстрагированность от культуры, институциональные теории приобретают характеристики, невыгодно отличающие их даже от классической парадигмы. Они показывают все большее акцентирование элитарных аспектов политики в отличие от эгалитаризма политических теорий XVIII в. Безразличие к «свободе и равенству всех людей» проявляется в интересе транзитологов, единственных из институционалистов, вообще ставящих вопрос о субъектах политических действий, к исследованию элит, рассматриваемых в качестве исключительных субъектов политики. Субъекты демократической

политики вообще исчезают из поля зрения. Акцент на институциональных и процедурных аспектах демократии ведет к изменению самого понятия демократии за счет выхолащивания ее культурно-содержательных, смысловых основ. В отличие от классической теории, апеллировавшей к борьбе против господства одних над другими, институциональные теории принимают за данность систему институтов легального господства на Западе, выступающую в качестве модели-образца для «модернизирующихся» стран. Критическая рефлексия над этой системой отсутствует. Но не здесь ли истоки нового деспотизма? Вопрос об угрозах и вызовах со стороны абсолютизируемой либеральной идеологии (включая ценность гражданского общества, индивидуализма, гипертрофию частной жизни за счет публичной и т.д.) не ставится.

Свойственный институциональным теориям финализм проявляется в отождествлении понятий «современный» и «западный», процессов модернизации и вестернизации¹. Запад, становящийся закрытым замкнутым обществом, тем не менее рассматривается в качестве образца для подражания «переходными» режимами. Между тем западные общества показывают угасание духа гражданственности – им присущи тенденции замирания публичных дискуссий, исчезновения качественных различий во мнениях, снижение способности масс к самостоятельности и свободе и «упразднение воли к действию»; в них фактически завершены приватизация человека, победа гражданина над человеком и буржуа над гражданином, произошло «падение публичного человека»². Все эти характеристики «нового деспотизма»³ остаются вне поля зрения большинства представителей институционализма.

В рамках институционального подхода происходит смешение признаков современного гражданского общества с особенностями эпохи его становления. Если философия Просвещения исходила из гармонии инструментальной и ценностно-нормативной составляющих рациональности как основополагающей черты европейской культуры и ее субъектов, то для институциональных теорий характерна утрата трансцендентных основ нормативности и сохранение лишь формальных. В качестве нормы-образца рассмат-

¹ Капустин Б.Г. Указ. соч. С. 131.

² Сеннет Н. Падение публичного человека. М., 2002.

³ Капустин Б.Г. Указ. соч. С. 227.

Часть I. Проблема исторического становления

риваются инструментальные признаки современного общества – институты, процедуры, практики представительной демократии.

Рассматривая этапы развития гражданского общества в Западной Европе как разворачивание единой логики человеческой истории как «расширенное воспроизводство» античного гражданского общества, демократии и гражданственности, институционалисты сталкиваются с тем, что некоторые исторические события и явления выглядят случайными, не вписываются в принятую схему истории. Эволюционизм с его нацеленностью на социальный прогресс не способен объяснить множество происходящих в мире процессов: рост многообразия социально-политических и духовных явлений; наличие множества социальных конфликтов (цивилизационных и иных) и дисфункций в обществах и их подсистемах; ограниченность некоторых изменений, разномасштабность, неоднородность, рассогласование режимов и ритмов происходящих социальных изменений – в становлении гражданского общества, в формах, скорости формирования феномена гражданина в странах Западной Европы и в Восточной Европе и России; наличие стагнации и возвратов в развитии некоторых социальных институтов и иных атрибутов гражданского общества; отсутствие однозначной «направленности эволюции от простого к сложному, от гомогенности к гетерогенности, от хаоса к организации»¹ и наличие фрагментарности в мировоззрении, духовной (нравственно-религиозной, правовой, политической) культуре людей «переходных» обществ. Становление гражданского общества и гражданина не вписывается в линейную логику эволюционизма. Существует множество вариантов развития обществ, качественные характеристики которых трудно идентифицировать однозначно как отвечающие признакам гражданского общества и гражданина. В их трансформации есть моменты циклизма и деградации. Эволюция гражданского общества и гражданина – не прохождение четко фиксированного числа последовательных стадий, но гораздо более похожа на стохастический процесс, в котором есть место скачкам, разрывам постепенности, нисходящим, стагнационным и другим видам социальных процессов. Для большинства работ по проблеме гражданского общества характерно видение универсального еди-

¹ Штомпка П. Указ. соч. С. 137.

Глава 1. Институциональный подход к исследованию проблемы

нообразного причинного механизма, действующего с силой фатума. Но попытки выявить главную и единственную причину изменений (в экономических отношениях, технико-технологическом факторе и т.п.) и выстроить на этой основе практическую стратегию поведения, при столкновении с реальностью приводят к разного рода кризисам и катаклизмам. Более гибкие теории склоняются к многофакторности социальных изменений, к сложному соотношению и взаимодействию факторов человеческой истории. Характер становления социальных форм (гражданского общества и гражданина) определяется не только имманентными и эндогенными причинами, но и экзогенными. Социальными науками с конца XIX в. выявляется и иной тип детерминации – со стороны культуры.

Наличие реляционных позиций с акцентом на общественных связях, на отношениях структурных элементов социума, в принципе не меняет базовых установок классической парадигмы. Целое, система, доминирует над частным, устойчивое над изменчивым, социальное над индивидуальным. Опора на социальный факт обрачивается репрессивностью принятой исследовательской программы, давлением схемы на социальную реальность; созидательная деятельность живого субъекта выносится «за скобки» схемы или трактуется как производная от системы. Стремление к объективности исследования приводит к созданию некоего «фильтра» по отношению к реальным явлениям, сквозь который отсеиваются и исключаются любые проявления субъективности – как со стороны исследователя, так и со стороны изучаемого реального субъекта. Институциональная парадигма исследования подразумевает некое автоматическое выведение гражданина из структур и институтов гражданского общества.

В основе институционалистского решения проблемы генезиса гражданского общества лежит определенная методология истории – европоцентристская философия истории, находящая свое продолжение в теориях модернизации. Деление цивилизаций на доиндустриальные, индустриальные и постиндустриальные – выражение этой линейной философии истории, восходящей к Гегелю, а от него – к христианской священной истории. В соответствии с этой методологией локальное – Запад, европейская цивилизация, предстает как универсальное. Это закрывает путь к исследованию специфики других локальных цивилизаций. Общества и состав-

Часть I. Проблема исторического становления

ляющие их субъекты исследуются не сами по себе, а в предзаданном им идеалом (гражданского общества, гражданина) масштабе, задача их познания ограничивается анализом соответствия данного общества идеалу или наличия движения к таковому. Необходимость учитывать специфику локальных образований вынуждает некоторых сторонников такой методологии к «припискам»: если гражданское общество – это универсальное будущее для любых обществ, то их специфика либо не учитывается вообще и тогда в России находят развитое (или находящееся на начальной стадии развития) гражданское общество, либо, если эта специфика связана со значительным несоответствием нормативным признакам гражданского общества, это расценивается как временное отклонение от универсального пути. В том, что в ряде стран модернизация осуществлялась лишь «сверху», с точки зрения такой логики нет ничего противоречащего нормативной концепции гражданского общества, это лишь значит, что процесс формирования гражданского общества проходит в своеобразной форме¹. При этом из числа универсальных признаков гражданского общества приходится исключать системообразующие, например автономию и самоорганизацию. Таким образом вообще размываются рамки понятия, схватывающего качественное отличие «гражданского» общества от всякого другого, в том числе и тоталитарного: например, находят «ростки» гражданского общества в СССР в виде общественных организаций. Признание возможности формирования гражданского общества по инициативе политической и даже государственной элиты, – это признак идеологизации и этатизации теории гражданского общества².

¹ Необходимость формирования гражданского общества посредством государственного вмешательства отстаивается рядом авторов, см., например: *Мамут Л.С.* Гражданское общество и государство: проблема соотношения // *Общественные науки и современность*, 2002. № 5. С. 102; *Нерсесянц В.С.* Общая теория права и государства. М., 1999. С. 278; *Чиркин В.Е.* Государствоведение. М., 2000; и др.

² Эта мысль высказывается рядом авторов. См., например: *Мартынов В.С.* «Гражданское общество» и конец классово-идеологического Модерна // *Судьбы гражданского общества в России*. В 2 т. Коллектив авторов. Т. 2. Современные аспекты концептуального осмысления проблем гражданского общества. Екатеринбург: УрО РАН, 2004. С. 259; *Тузиков А.Р.* Идеи демократии: социологическая интерпретация // *Социс,*

Глава 1. Институциональный подход к исследованию проблемы

Следствием институционального подхода становятся разрыв и противопоставление гражданского общества и государства, коренящиеся в классической парадигме исследования человека, расчленяющей его на частное и публичное лицо (гражданина). Эта парадигма жестко отделяет процесс деятельности человека от его результата, что применительно к проблеме гражданского общества выражается в отделении «живых» отношений и процессов от «мертвых» структур и институтов. Гражданскому обществу и человеку как его члену (поскольку ему заданы границы частного лица) полностью отказывают в возможности и способности выхода на уровень публичных отношений. Идущее от Гегеля условное разделение одного и того же человека на частное лицо и гражданина потеряло свою условность, стало абсолютom, мешающим исследователям видеть сложность социальной реальности. Соотношение гражданского общества и государства с таких позиций предстает не как их динамичное, исторически меняющееся взаимное пересечение и порождение, но либо как параллельное, обособленное существование, либо как подчиненное государству функционирование гражданского общества, включающее целенаправленное формирование второго первым. Такая логика всецело задана господствующей в отечественной политологии, социологии и юриспруденции социоцентристской парадигмой, причем в ее этатистском варианте, преодоленном западной наукой XIX–XX вв., но сохраняющем свое влияние в России.

Некоторым из институциональных теорий свойствен акцент на нормативном аспекте перехода к «современному» обществу. Помимо системы «внегосударственных институтов и отношений между ними» в содержание понятия гражданского общества они включают совокупность определенных принципов, ценностей, норм, определяющих характер общества как целого и составляющих его социальных институтов, а также соответствующий данному обществу тип личности¹. Здесь попытка синтеза разных аспектов проблемы

2005. № 3. С. 35–36. (Последний утверждает, что термины «демократия» и «гражданское общество» выполняют «функции идеологической легитимации существующих систем власти, управления, то есть являются идеологемами»).

¹ См., напр.: *Кочетков А.П.* Гражданское общество: проблемы исследования и перспективы развития // Вестник Московского университета.

Часть I. Проблема исторического становления

привела к созданию эклектической конструкции: схема (должное, идеал) доминирует над реальностью. Культура, как и личность, оказывается функцией социального. Трансцендентальное, а посредством него и трансцендентное, снято в социальном (имманентном) как системе. Здесь большее значение имеет культура, ее редукция к социальному носит скрытый характер, но сведение изменчивого к устойчивому, локального к универсальному, индивидуального к общему остается в силе, что оставляет этот подход в рамках институционализма. С нормативистских позиций граждан и гражданство появятся в России, если она пройдет процесс модернизации, перейдет к рынку и демократии. Но не под вопросом ли переход? Возникает проблематичная теоретическая ситуация: сам инструмент познания – теория модернизации, утверждающая незыблемость универсальной эволюции, препятствует получению адекватных знаний о российской реальности, поскольку специфику последней оставляет за скобками анализа. Теории модернизации рассматривают российскую реальность с точки зрения ее движения к модели западного общества, но не существующие в России условия и предпосылки, не культурные и субъективные основания, способные создавать направленность или стохастичность процессов.

Гносеологический потенциал большинства концепций гражданского общества вызывает сомнения. Еще П. Фейерабенд писал о зависимости фактов от теории¹. Учреждение российским государством институтов, внешне сходных с демократическими (парламента, выборов, общественных объединений, наличие либерально-демократического законодательства, Конституции, закона о гражданстве), еще не есть свидетельство действительного существования гражданского общества и граждан в западноевропейском понимании. Специфически российская среда создает иной контекст функционирования данных институтов и законов, нацеливает их на иные функции. С конца 1990-х гг. произошла трансформация идеи построения гражданского общества в тезис о том, что его

Сер. 12. Политические науки, 1998. № 4. С. 93. Аналогичный подход реализован и в большинстве учебников для вузов, например: Политология: Учебное пособие для вузов / Научный редактор А.А. Радугин. М.: Центр, 2000. С. 183.

¹ Фейерабенд П. Ответ на критику// Структура и развитие науки. М., 1978. С. 437.

можно сформировать под контролем государства. Именно нормативность теории гражданского общества позволила политической элите использовать ее в качестве собственной идеологии. Сказался слабый уровень рефлексии над идеей и реальной спецификой гражданского общества в разных исторических условиях. Необходимость учета исторической специфики оказалась выражена в тезисе: российский путь становления гражданского общества – это его создание по инициативе государства. Институционализм связан и с формационным подходом¹, который отсылает к советскому варианту марксизма и оживляет его идеологемы.

Конструкция гражданского общества становится аналогом концепции марксизма-ленинизма о построении коммунистического общества, лишь цель формулируется еще более неопределенно. Произошла замена терминов, содержимое же трактуется по старым схемам. Отсюда и выводы о возможности построения гражданского общества по инициативе государства, «сверху», при «руководящей роли партии», называемой теперь «правлящей», и правительства, за которым стоит узкий круг политической элиты, – в современных терминах это называется «управляемой демократией» и т.п. Общей установкой институциональных стратегий является монизм, а в качестве их политического основания выступает этатизм – укорененные в традициях прошлого и оживляемые политической конъюнктурой стремление и готовность предоставлять господствующему политическому классу собственные научно-информационные ресурсы, производить определенные идеологемы и мифы, манипулировать с их помощью общественным сознанием в интересах легитимации существующей системы распределения власти, привилегий и собственности.

Некоторые сторонники институционального подхода признают необходимость привлечения цивилизационных факторов в исследование проблемы гражданского общества². Есть попытки

¹ Примером такого соединения является позиция В.Е. Гулиева. Он считает, что гражданское общество «возникло как общество граждан – преемник и отрицание феодального, то есть сословного, негражданского общества подданных» [Гулиев В.Е. Выступление на «Круглом столе»: Гражданское общество, правовое государство и право // Вопросы философии, 2002. № 1. С. 6.

² *Авинери Ш.* Партии, социально-культурная медиация и роль гражданского общества // Полис, 1994. № 1; Гражданское общество в России:

Часть I. Проблема исторического становления

синтеза институционального и субъектного подходов¹. Все большее предпочтение отдается исследованию субъективных, культурно-исторических, психологических аспектов проблемы гражданского общества². Однако это не меняет теоретической ситуации в целом.

Подведем некоторые итоги. Понимание гражданского общества исключительно как совокупности институтов, устойчивых способов и средств взаимодействия граждан и их воздействия на других агентов общественных отношений, на экономические, политические и иные субъекты власти (особенно власть государственную) – это лишь один аспект гражданского общества, показывающий его зрелую, статичную форму. Это результат кристаллизовавшихся общественных отношений. Но здесь нет процесса, нет механизма порождения соответствующих отношений деятельностью людей, мотивированной определенным образом. Институты гражданского общества – это следствия процессуальности, динамики общественных отношений, которые в то же время становятся условиями существования и развития этих отношений, средой зарождения социальных и политических процессов. Исходной точкой роста такого рода отношений и процессов, их субъектом являются индивиды, образующие, включающиеся, воспроизводящие институты гражданского общества и изменяющие их. Речь о гражданах в качестве собственников и носителей экономической власти в обществе, в качестве членов государства – автономных носителей политической свободы и ответственности, в качестве субъектов частного и публичного права, носителей правовой и моральной

структуры и сознание. М., 1998; *Мигранян А.М.* Гражданское общество // 50/50. Опыт словаря нового мышления. М., 1989; *Рашковский Е.* Гражданское общество: религиозное измерение проблемы // МЭиМО, 1996. № 5; и др.

¹ *Руденкин В.Н.* Гражданское общество в России: история и современность. Екатеринбург, 2002.

² *Гаджиев К.С.* Введение в политическую науку. М., 1997; *Дилигенский Г.Г.* Индивидуализм старый и новый. Личность в постсоветском социуме // Полис, 1999. № 3; *Дилигенский Г.Г.* Становление гражданского общества: культурные и психологические проблемы // Гражданское общество в России: структуры и сознание. М., 1998; *Кравченко И.И.* Евразия и цивилизация // Вопросы философии, 1995. № 6; *Межуев В.М.* О национальной идее // Вопросы философии, 1997. № 12; и др.

Глава 1. Институциональный подход к исследованию проблемы

автономии, речь о гражданах определенного типа личности. В рамках институциональной парадигмы происходит отрыв институтов, устойчивых отношений и способов деятельности от их носителей – граждан и содержания их деятельности, то есть от социокультурных аспектов гражданского общества. Следствием становится абсолютизация институциональной сферы и выпадение из нее субъекта социального действия. Между тем фигура гражданина является центральной для западноевропейского гражданского общества.

Абсолютизация номотетического (генерализующего) метода представителями институционального подхода приводит к навязыванию и предуготовлению истории общества общих универсальных законов, которые затем становятся общей нормой, репрессирующей все отклоняющееся, случайное, индивидуальное в социальной реальности. Вследствие операции выведения субъективного и субъекта из объективного – социума как системы, гражданское общество предстает как надындивидуальная реальность, совокупность социальных процессов, структур и институтов, полностью детерминирующая бытие и сознание гражданина. Последний трактуется как производное от целого, функция гражданского общества. Гражданское общество выглядит как некая безликая универсальная сущность, с неумолимостью фатума прокладывающая себе путь без участия индивидуальных субъектов деятельности. Сущность может отождествляться то с совокупностью ценностей и норм, то с «институтами гражданского общества». Преодоление субъективности достигается за счет вырывания социальных фактов и явлений из живого контекста реальности. Игнорирование субъективного, деятельностного аспекта бытия социума приводит к тому, что схема (идеал гражданского общества) повисает в воздухе, поскольку не ясен источник воспроизводства и качественного преобразования самого этого общества. Институционально-нормативистские теории гражданского общества воспроизводят образец общества, созданный европейскими классиками, в отрыве от исторического контекста его создания и рассматривают его в качестве универсальной вневременной нормы общества. Мнимая универсальность образца и теорий, построенных в опоре на него, есть его абстрактность и оторванность от всей совокупности социокультурных (этнических, религиозных, моральных, правовых, политических) особенностей человеческих общностей. Акцент на инвари-

Часть I. Проблема исторического становления

антном в феномене гражданина, делаемый в рамках институциональной парадигмы, рано или поздно приводит к несоответствию данной теории исторической практике: исключенное многообразие обнаруживается «по ту сторону» проблемы «Запад – Россия». В этом случае Россия предстает неким «другим», не соответствующим инвариантным характеристикам феномена, а инвариант оказывается не универсальной социальной категорией, а лишь западным вариантом феномена, рядом с которым сосуществуют и другие варианты.

Устойчивость общей схемы истории, заданной классической парадигмой, обусловлена лежащим в ее основе образом человека. Образ самотождественного субъекта предполагает наличие «неизменной человеческой природы», которая в соответствии с классическими методами естественных наук вычленялась путем абстрагирования качеств и сил человека от их индивидуализированных носителей, процесса их бытия, динамики их самоизменения и саморазвития. Абстрактный образ человека в классической парадигме выполняет функцию нормы человеческих взаимодействий. Будучи соотнесен со столь же абстрактными образами истории, культуры, религии, права, политики, он составляет ядро согласованной классической картины мира, задает методологию исследования реальности и координаты оценки любых социальных явлений.

Институциональный подход нацелен на описание реальности в ценностно нейтральных понятиях. «Эти понятия отражают закономерности, принципы и существующие на их основе институты, являющиеся (1) универсальными, (2) способными трансформировать любое традиционное общество и (3) приходящими на смену традиционным, местным институтам. Эти институты – секуляризация, индустриализация, рационализация, демократизация и т.д.»¹. Реальность показывает невозможность такой нейтральности и объективизма, каждый из институтов обусловлен специфическим способом взаимодействия множества особых ценностных систем, культур и ментальностей конкретных социальных субъектов.

¹ *Скоробогачкий В.В.* Социокультурный анализ власти. Екатеринбург, 2002. С. 178.

Глава 1. Институциональный подход к исследованию проблемы

Несмотря на некоторое усиление внимания к социокультурным аспектам проблематики гражданского общества проблема исторического становления гражданина пока не нашла своего решения. Имеющиеся методологические стратегии не приводят к созданию единой рабочей программы и системной стратегии исследования. Феномен гражданина распадается на разные проекции, конфликтующие друг с другом. Отсюда фрагментарность в его описании, отсутствие целостного образа гражданина в социальном знании.